

“Двенадцать ... двенадцать хороших людей, которые отличаются от тебя как небо от земли, судили тебя и объявили, что ты виновен, посмотри на все преступления, которые ты совершил”, - сказал шериф-пьяница на деревянном помосте, указывая на парня с петлей на шее, со связанными руками и ногами.

“Ты ввязался в драку с человеком из-за лошади, ударил владельца этой лошади ножом, заставил мать потерять сына, жену - мужа, а невинного ребенка - отца! Тебе есть что сказать?”

“Это верно, я не контролировал себя в тот момент, убил его случайно и оказался в подобной ситуации. Сейчас уже поздно что-либо говорить”. Коротышка явно понимал, что его смерть уже близка, он глубоко вздохнул и сказал: “Я просто хотел извиниться перед семьей человека, которого я убил, хотя я знаю, что они меня не простят, но быть по сему”.

С этими словами он кивнул шерифу и замолчал.

В следующее мгновение на его голову надели черный мешок.

В этот момент шериф-пьяница подошел к следующему мужчине довольно крепкого телосложения, в глазах которого промелькнуло нескрываемое отвращение при виде пьяного шерифа.

“Ты обесчестил свою невестку, когда твой брат уехал продавать скот. После того как тебя разоблачили, ты убил своего брата. Подобные злодеяния, происходящие на этой земле, вопиющи для судебной системы и человеческой морали! Я должен был убить тебя, когда ты попытался сбежать, я не должен был позволять тебе жить столько дней и тратить еду. Теперь скажи свои последние слова”.

“Нет, ты схватил не того человека. Ты не должен был верить этой [пи], я не убивал своего брата! Прелюбодеем был кто-то другой, и они вдвоем объединились, чтобы подставить меня, чтобы после нашей с братом смерти ранчо перешло в руки ее и ее любовника!”

По сравнению с предыдущим коротышкой, второй мужчина был явно возбужден и продолжал кричать и вопить, все еще отчаянно сопротивляясь, его лицо было настолько полно отчаяния, что палачу, отвечающему за казнь, пришлось ударить его по спине, чтобы он притих.

Шериф-пьяница холодно проворчал: “Суд по твоему делу окончен, присяжные сделали свой выбор. Что касается того, что у тебя есть какие-то возражения, то ты можешь высказать их непосредственно Богу, когда увидишь его, о ... прости, я чуть не забыл, что такой мерзавец, как ты, не сможет увидеть Бога. Отправляйся в ад, ублюдок, следующий”.

С этими словами шериф-пьяница снова достал свою бутылку, сделал глоток виски, после чего подошел к последнему однорукому осужденному. “Ты ...”, - шериф-пьяница запнулся на слове, затем указал на него пальцем, и некоторое время они смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами, прежде чем шериф-пьяница смог выдавить сквозь зубы: “Что ты опять

натворил?”

Человек по имени Джеймсон, стоявший под деревянным помостом, прикрыл глаза рукой, как будто ему было невыносимо видеть эту сцену, и толпа зашевелилась.

“Тихо, тихо!” Шериф-пьяница дважды рыкнул, потянулся в карман и достал скомканный лист бумаги, развернул его и прочитал написанное на нем: “О, черт, ты член банды Кука, в составе которой ты неоднократно грабил поезда и разграбил два города, убивая безоружных гражданских людей. Ты нарушил законов больше, чем может поместиться на этом листе бумаги. Честно говоря, это слишком легкая смерть для тебя за все твои преступления. Ты должен радоваться, что мы сейчас не в средневековье, иначе я бы пригвоздил тебя к стене, как жертвенного ягненка, и дал бы тебе умирать медленной мучительной смертью, чтобы я мог каждый день, проходя мимо, слышать твои стенания”.

Однорукий был самым спокойным из троих. Услышав это, он лишь покачал головой. “Ты ошибаешься”, - дерзко ответил он. “Я действительно несколько раз грабил поезда и обозы, но это было до того, как я потерял руку, после этого я покинул банду Кука и решил поселиться здесь. Грабежи в городе не имеют ко мне никакого отношения”.

“Это не имеет значения. В любом случае, ранее совершенных тобой преступлений уже достаточно для того, чтобы приговорить тебя к смерти”. Шериф-пьяница нетерпеливо сказал: “Если хочешь признаться, поторопись! Я уже допиваю свой виски”.

“Я не буду каяться, это ты должен каяться”, - равнодушно сказал однорукий, его взгляд прошелся по людям, стоявшим под деревянной помостом. По какой-то причине те, на кого он смотрел, не осмеливались встретиться с ним взглядом и молча отводили глаза.

Сцена выглядела немного нелепо: очевидно, что эти преступления совершил однорукий, но, глядя на поведение его и людей, стоявших внизу, можно было предположить, что это именно он судит жителей города.

“Теперь, когда все вы знаете мою истинную личность, вы также должны знать, как банда Кука относится к своим врагам”, - усмехнулся однорукий, - “если вы повесите меня сегодня, завтра об этом станет известно, а вскоре новость достигнет ушей Кука, и пройдет совсем немного времени, прежде чем мои братья придут отомстить за меня. И то, что произошло в тех двух городах, повторится и здесь. Они превратят каждый дюйм этого города в выжженную землю. Те, кто вам дорог, те, о ком вы заботитесь, умрут раньше вас, вы сможете услышать их крики и стенания, а затем наступит ваша очередь Суд надо мной закончился, но суд над вами только начинается! Я все сказал. Просто сделайте это”. С последним словом он тоже кивнул шерифу.

Слова однорукого человека привели к тишине на площади. Атмосфера беспокойства и тревоги быстро распространилась среди толпы. Банда Кука была самой крупной бандой в Нью-Мексико, насчитывавшей в своем составе более пятидесяти человек. Безжалостные и жестокие люди, они не только убивали мирных жителей, но и осмеливались вступить в

перестрелку с бригадой маршалов. В округе они пользовались дурной славой, и когда жители слышали, что им грозит опасность, сердца многих впали в смятение.

Некоторые даже в тайне начали надеяться, что шериф-пьяница отпустит мужчину, чтобы все закончилось мирно.

Однако последний лишь презрительно рассмеялся: "Брось нести эти бредни. Люди, живущие на этой земле, не будут запуганы тобой, пока я здесь, если Джереми Кук и его приспешники посмеют ступить в мой город, они не уйдут отсюда живыми!"

"Что ж посмотрим", - сказал однорукий с уже накинутым на голову черным мешком.

Когда палач потянул за рычаг, под ногами трех мужчин открылись люки, и они упали вниз. Прошло совсем немного времени, прежде чем все они умерли.

Из толпы раздался вздох, и некоторые дамы прикрыли ладонью рты.

Чжан Хэн также наблюдал за казнью, находясь рядом с офисом шерифа, он никак не отреагировал на эту сцену, в конце концов, в мире нет никого, кто лучше всего знаком с виселицей, чем пират. Чжан Хэн также руководил операцией, чтобы спасти пирата, которого приговорили к казни, поэтому он не воспринял слова однорукого слишком серьезно.

В отличие от этих маленьких городков Дикого Запада, хотя административный центр округа Линкольн находился далеко от Санта-Фе - столицы штата Нью-Мексико, однако для своего времени это был довольно густонаселенный город. Несмотря на то, что он испытывал такую же нехватку сотрудников правопорядка, как и любые другие города Дикого Запада, в округе Линкольн было много ранчо и соответственно большое количество ковбоев, обладающих значительной боевой силой, и Куку с его пятьюдесятью с лишним приспешниками будет не так-то просто сровнять это место с землей.

Неизвестно, была ли это иллюзия Чжан Хэна, но он чувствовал, что кто-то постоянно наблюдает за ним из тени с тех самых пор, как он вступил в конфликт с двумя ковбоями. Это ощущение не покидало его и после того, как он вышел из салуна, и даже когда все собрались на площади, чтобы посмотреть на казнь.

Может быть, это сообщники тех двух ковбоев? - подумал про себя Чжан Хэн. Хотя пьяный шериф только что и предупредил его, однако если другая сторона действительно продолжит преследовать его подобным образом, ему придется преподать им еще один урок.

Перевод: Флоренс